

В М Е С Т Е

АЛЕКСАНДР ГУЩИН

Листом опавшим вновь стремлюсь к тебе —
В течение реки, в воды волнение,
Мечтая обрести прикосновение,
Предошущая пустоту в руке.

Так манит птиц забытое гнездо.
Скользит полёт над городами скорби —
Я тоже знал полёт, когда-то гордый,
Даря тебе себя, как птице — дом...

Безветрие мне дарит тишину,
Прощально светит лик Ночного Древа,
И бабочка в лучах, как королева,
Летит ко мне, не зная, почему.

Мгновение пути. Полёт листа.
В безвременье мгновение приемлю.
Ведь, став землей, лист сразу понял землю —
Как пустота, душа его чиста.

АНГЕЛ МЧИТСЯ

Ангел мчится, расправив над миром свободные крылья,
Блеском солнца труба золотая сияет в руках,
Над домами, покрытыми серой и будничной пылью,
Над дворцами последними — путь исчезает в полях.

То дорога на небо, в которую слиты все реки.
То дорога в глубины бескрайних свинцовых морей.
Что бессмертнее: память ли о человеке,
Или память о песне, с которою жить нам светлей?

Что прекраснее: это чудесное небо,
Эти палочки-сосны и реки прожилки у ног,
Или эта земля, словно шкура огромного зверя,
В диких шрамах весенней свободой разбитых дорог?

Что страшнее насилья над ищущим духом?
Что больнее утрат под гранитною точкой столба?
Люди ждут, но не верят, поскольку обижены слухом,
И не знают, как звонко поёт золотая труба.

НЕ ПОЭТОМУ

Мы не знаем, что ждёт нас. Молчит в отдалении город.
Выпьем горькое время прощаний и новых дорог.
Не поэтому ль жгучий октябрьский холод
До последнего вздоха и руки, и сердце прожёт?

Не поэтому ль ты так спокойна, тиха, деликатна —
Королева, плывущая морем искать материк...
Белым взмахом платка рвётся нить возвращенья обратно,
Где холодным лучом маяка сердце ночью горит.

Не поэтому ль снег засыпает усталую пашню,
Где в ходах капилляров и влага, и жизнь замерла,
И зерно остывает, и полнится смыслом вчерашним,
Чтобы снова родившись, исполнить свой танец дотла...

Не поэтому ль реки чернеют, как в сумерках ямы,
Не поэтому ль ветер хозяином стал площадей?..
Из родной стороны все пути пролегают так прямо —
Ни поэту, ни страннику нет утешенья на ней.

ВМЕСТЕ

Ты руку протянул — уже обрёл ладонь.
Отхлынула волна — по гальке бьётся пена...
Горит костёр в ночи. но виден лишь огонь —
За гулом волн поёт неслышная Сирена.
Ты Одиссей в ночи, ты знаешь, что почём,
Ты знаешь всё о том, кто бился возле мачты,
Ты слышал пенье тайн и не грустишь о том,
Что пришлыми людьми забылось после качки.
Ты, может, Одиссей, а может быть, Орфей,
За шагом шаг идёшь ты в ночь за Эвридикой,
Закончен долгий путь среди родных полей,
И принимаешь тьму не малой, но великой.
Усталый Одиссей, забудь свой долгий путь,
Измученный Орфей, забудь свои ты песни...
Нам вместе суждено, случайно, как-нибудь,
Обняться у огня и ждать забвенья — вместе.

БЛИКИ РАССВЕТА

Стынут холодные блики рассвета,
Тихо в пространстве звеня...

Дай мне настоя из лунного света,
Чтобы забыть про тебя...
Чтобы не помнить, как тонкие пальцы
Грела в моей ты руке,
Чтоб, как в озёрах расплавленной смальты,
Сердце тонуло в зевке.
Чтобы осталось всё так же, как было,
Чтобы — неверный я сын —
Всё бы, как осени холодом, стыло:
Первым пробелом седин,
Первым предательством, смерти служением,
Чёрным пространства глотком...
Дай же напиться последним забвеньем,
Чтоб не жалеть ни о ком!
Чтобы возвысились башни и шпили
Города тайного сна,
Чтобы мы вместе о прошлом забыли
Терпким похмельем вина,
Чтобы мы снова родились такими,
и — отчего? Почему?
Пел бы твоё неизвестное имя,
Вновь погружаясь во тьму.

ЖИВОЙ

Меня не ищите. Я умер давно.
Душа потерялась неведомо где.
А тело, что было для счастья дано
Всё ходит и ходит по этой земле.
Мне есть с кем общаться. Одни мертвецы
По улицам города бродят толпой.
Их руки — сталь лезвия, лица — сосцы...
И вдруг среди этих смердящих — живой!
Мы все удивились, к нему подошли,
Поставив из взглядов тупой частокол...
Но он был рождён не для этой земли,
Утешил: «Воскреснете все!» И ушёл.
Меня не ищите. Я радуюсь снам,
Не знаю, узнаю ли лучший удел...
Мой мир от бессилия счастья дать вам
В потугах вершинами гор поседел.

ДВЕ СНЕЖИНКИ

Мы — две снежинки на ветру,
Хотим узнать одни объятья.
Летим к забытому лицу

Сквозь ночь и вихрь, на шорох платья,
Неповторимые, как братья,
Мы — две снежинки на ветру...

Летим к забытому лицу,
В невыразимое, без цели.
В узорах неба я прочту,
Что люди просто не сумели.
Сквозь бури, грозы и метели
Летим к забытому лицу.

Но нет лица, оно ушло
За стены, стёкла, дым и платья.
Снежинки бьются о стекло
И падают земле в объятья,
Как падают в объятьях платья,
Но нет лица, оно ушло.

Одна земля нас приняла,
Укрыв от бури и метели,
И, принимая, обняла,
И с нею вместе полетели
В невыразимое, без цели.
Одна земля нас приняла.

ЗОЛОТАЯ СТРУНА

Я не знаю, зачем эти струны великого чуда,
Эти отблески света границ отражённых миров...
Растворяясь в пространстве, я боли твоей не забуду,
Как забыл воплощенья своих незатейливых снов.

Мне неведомы тайны движенья планеты страданий,
Где душа, словно бабочка, скручена отсветом лун,
И трепещет невольно, и бьётся о грани сознаний,
И, застыв, словно кокон, лежит, как замшелый валун.

Год за годом природа учила меня состраданью:
Нет ни зла, ни добра — потому что природа мудра,
Но великое чудо не терпит великого знанья,
И дорога из блеска светила звенит, как струна!

Я, рождённый из тлена, из тьмы, из тончайшего праха,
Позабывший о прошлом и запертый гранями стен,
Слышу музыку звёзд и ночами, забывшись от страха,
Просто молча лежу, чтоб уже не искать перемен.

Гроздь звёзд перезревших висят, и, наверное, можно
Их легонько потрогать свободным желанием сна,

Пред которым желанья иные нелепы, ничтожны,
И уводит, лелеет, поёт золотая струна!

СИЛЬНЕЙ ЗАКОНА

Городок плывет по стылым лужам,
Осень кончилась — приходит время льда.
В спину гонит ветер ноября
Женщину, спешащую за мужем.

Не печалься, милая, не плачь.
Знаю: жить в грехе невыносимо.
Нам зима — спаситель и палач,
Ветер гонит нас сквозь эту зиму.

Не печалься, милая, ведь в нас
Прошлого незримые скитанья,
От тепла неведенья отказ —
Злые бесполезные свиданья.

На ветру — гуденье сточных труб.
Под землей — безлюдие перрона.
Возвратись в дыханье моих губ,
Где любовь в сто крат сильнее закона!

В ПУСТЫНЮ

— В пустыню, друг, в пустыню!

Брось вызов всему свету.

Забудь, кого покинул,

Садясь в свою карету.

Возьми с собой богиню,

Оставь дневные ссоры,

Вечерние потехи,

Ночные разговоры.

— Мне поздно, друг, мне поздно.

Я слишком грустен ныне.

Быстрее ночного ветра

Умчался дилижанс,

Увез мою богиню.

Богиня смотрит звездно,

Богиня смотрит мимо

Улыбкой сотен глаз.

— Подумай, друг, подумай!

Струю ночного ветра

Вдыхают полной грудью

И раб, и падишах.

Уйди от них в пустыню,
В пустыню, друг, в пустыню —
Там в зное раскаленном
Нет мысли о ветрах.

Что лучше — пламя пепла
Иль лёд воды подземной?
Что лучше — дым пожара
Или болота смрад?
Что лучше — быть со всеми
Или уйти в пустыню?
Вопросам нет ответа
И нет пути назад.

Я из песка построю
Великолепный город.
Я именем богини
Тот город назову.
Я знаю, друг, я знаю —
В пустыне я погибну.
Я знаю, друг, я знаю,
Но я туда иду.

В пустыню, друг, в пустыню!

МОЛИТВА

Мне плачущие тьмой
Несли своё молчанье,
И шли за строем строй,
И шли за веком век,
И я сказал тогда
Последнее желанье:
«Молюсь за вас за всех,
Чьё имя — талый снег!»

Настало время льда
И безнадежной битвы,
Когда застывший мир
Ликует и молчит.
Я принимаю мир
В словах моей молитвы, —
Бог в этом мире жив,
Пока она звучит!

Средь тьмы земного зла
Победа — всепрощенье, —
Уйти в нездешний свет,

Оставив миру плоть:
«Кто выбирает плоть,
Тот выбрал поражение,
Кто выбирает дух —
Того спасет Господь!»

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Я сегодня принёс Вам, поверьте,
Те цветы, что Вы ждали всегда:
Не гвоздики холодного сердца
И не алые лилии льда,

Не тюльпаны весенних приветов,
Не пионов раскрытых вопрос —
Розы боли далёкого лета,
Гиацинты безудержных слез...

А простые цветы полевые,
Первоцветы божественных слов,
Тех, что сказаны были в России
Самым первым из всех языков.

ДОРОГА

За порогом — порог. За дорогой — дорога:
Перелески, ложбинки, луга, тополя...
До желанного дома осталось немного,
Но куда мне идти? Велика ты, земля.
И не видно тебя. Только неба кружение,
Только эхо метнётся на ломаный крик,
Вот вдали показалось чужое селенье,
Или мне показалось — так, образ возник.
Если есть у миров чудеса воплощений,
Я хотел бы родиться свободной листвою,
У которой дорога — по небу скольжение:
Под ногами твоими я был бы с тобой.
Когда, вдруг улетев из заоблачной выси,
Лёг бы с тысячей братьев в осеннем лесу:
Не измерить листву — в мире нет таких чисел,
Не увидеть тебя у судьбы на весу.
В чёрном мире страстей мне не надобно много:
Только видеть тебя, только знать, что ты есть.
Где же ты? В темноте исчезает дорога,
Уносящая веру, надежду и честь.

СЕТИ ГОРОДА

Запуржит, зашуршит, как закружит, так сразу и бросит.
Город сотней огней догорает в ладони судьбы.
Но о чём, закружив, меня ветер так жалобно просит?
Оставайся, забудься, сыграй и опять уходи
По тропинкам, по слякоти, по непонятным приметам,
По дорогам, где ноги подтаявший снег изопьют.
Ветер, ветер зимы — не найти уходящим ответа,
И деревья протяжно и нежно хоралы поют.
Замолчите, деревья, — но дайте почувствовать боли,
Ветер, ветер усталый, — усни и меня не гони.
Выводите, тропинки, в просторное русское поле,
Где огромное небо — а больше не видно ни зги.
Закружите, дороги, в заснеженном медленном танце,
Чтоб идти и идти, всё равно, хоть ползти — не стоять,
Чтобы город забился в свой меднорасчерченный панцирь
И меня никогда не поймал в свои сети опять.
И тогда припаду к колее придорожной, разбитой
Воду талую жадно испить, как вино.
В сказке Пушкина старой в награду досталось корыто,
Старику же — дорога за рыбкой волшебной — на дно!

ХРУСТАЛЬНЫЕ КОЛОКОЛА

Колокола хрустальные звенят
В прощальный час полуночного бденья
Предощущеньем тёмного паденья
В ту глубину, где нет пути назад.

Звон тает синим, отражаясь ввысь,
Оставив моё тело силам праха.
В последний миг вне горя и без страха
Вести меня по хрупким рекам вниз.

Не ждёт меня волшебная страна
Вне времени, чудесна и прекрасна.
Жизнь прожита, она прошла напрасно,
Но верю, что не кончена она.

Как беден наш земной постылый кров.
В пустых глазницах стынут блики света.
Я исчезаю воплотиться где-то,
Скользя во тьме на гул колоколов.

ПОПРОБУЙ

Проходит всё. Жизнь не всегда права.
От Родины остались лишь преданья.
Бессмысленные, жалкие слова,
Пустые, безнадёжные свиданья!
Твой дар любви прошёл ко мне сквозь век
Где ты, мой друг, безмолвный, безымянный
Во тьме кромешной стынет человек —
В России тьма под властью окаянной.
Сума, тюрьма. Достанет сил терпеть,
Ждать торжество добра над лютой злобой.
Проходит всё — рождение и смерть,
Переживи, пожалуйста, — попробуй.

СЕГОДНЯ, ТЕПЕРЬ

Втроём они жили
В одной коммунальной квартире,
Не зная тоски и потерь.
Одна была в прошлом,
И там её очень любили,
Другая — в грядущем,
А третья — сегодня, теперь...

Когда приходили вечерние вязкие тени,
Скрываясь под крышкой стола,
Она доставала альбом — там, где лица смотрели,
Смотрели и помнили, там, где природа была

Уверенно схвачена бликом случайного фото,
Сливаясь в близи и дали,
Где люди, как знаки учёбы, заботы, работы,
Где все улыбаются, живы и те,
Кто ушли.

Играя в скорлупки надежд в ожидании чуда,
Умом понимая, что жизнь в ожидание прошла,
Она повторяла, как в детстве: «Я больше не буду...»
Но тени уходят. Она остается одна.

ВСТРЕЧА

Наверное, не знать, что ждёт нас впереди —
Естественно, как день, прекраснее, чем небо...
Последнее отдать, оставив всё в груди,
Забыв про суету, отдавшись ласкам Гебы.

Сплетённое в одно — теперь и есть одно:
Расставшись с головой, мысль обретает тело.

И если быт убит за каменной стеной,
Сплетённое идёт не призрачной, но белой,
Естественной. Вот так. Всё хорошо вокруг.
Забыл сердечный червь напиток нашей сути,
И те, кто по ночам идут искать подруг,
Подумают: "Вот врёт, вот, мерзкий, шутки шутит!"

Какие шутки здесь! Такое только раз
Случайно в пустяке и в душах растворится —
Желаннее, чем ночь, дороже, чем алмаз,
Блеснёт, запомнится — и вновь не повторится.

КУЛЬТ ЖИВЫХ РЫБ

Я превращаюсь в рыбу и плыву,
Для этого нужна простая смелость.
Холодное мерцание зову
И воплощаюсь сквозь окаменелость.

Горит звезда второго рождества,
Зажглась в садах кораллового рая —
И плавником, как частью существа,
Свою судьбу я к раю направляю.

А там меня приветствуют волхвы
Седого моря — мудрые дельфины.
Смущаясь, принесут они дары
И уплывут, сгибая нежно спины.

Они подарят песню глубины
И ожерелье пузырьков воздушных,
И славословье в честь моей звезды
Бесхитростных дорог и простодушных!

«Да славится Господь свободных рыб!
Господь любви, добра и всепрощенья!»
Взмах плавника — защита от обид,
И невесомость — дар освобожденья.

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Смотрел на тени в вечерний час,
Не помня жестоких снов.
И тьма углов обнимала нас —
Алмаз четырёх оков.

Во тьме воскликнул: «Послушай, ночь,
Звнящее слово моё!
Скажу тебе, как другим — невмочь,
Так ветер слова поёт.

Спою, мой друг, для тебя, о тень,
И дрогнут ворота сна.
Я так спою, чтобы к нам слетел
Посланник небес — Весна!»

И я запел. Но не так, не так!
И тень на моей груди,
И жар её на моих устах.
«Дай силу, — сказал, — Приди!»

Я отдал всё за глоток воды,
Что влил в меня чёрный край.
Теперь своей не боюсь судьбы.
Мне силу свою давай!

И тень, которой я пел тогда,
ответила грустно: «Что ж,
коль хочешь силу мою — отдам,
но ты от неё умрёшь!»

Смотрел на тени в вечерний час
Вдоль бездны звенящих струн,
И тьма углов обнимала нас,
И мучила мой бедный ум.

ПАУТИНКА

Не горжусь тем, что было, и прошлого я не стыжусь.
Всё приходит на миг — паутинкою тонкою рвётся,
Лишь взмахну вслед ладонью — летит паутинка — и пусть
Её путь лёгкой памятью ветра во мне отзовётся.

Посмотри, Эвридика, кто это пришёл за тобой?
В сером царстве теней вам не будет страшна Немезида.
Не спеши, о певец, Эвридику вести за собой:
Всё равно обернёшься, и вечная будет обида.

В прошлом всё это было, певец, не ищи — не найдёшь.
В настоящем теряя подругу, бессильно заплачешь.
И бросают певцу на потеху затасканный грош:
Вот цена твоей песни и смысла — ты больше не значишь.

Не ищи паутинку, певец, — лучше прочь уходи
По холодным порогам забвенье несущего Стикса...
Ты опять обернулся? Прощай и её не ищи —
В чёткой формуле неба ни игрека нет и ни икса.

© Александр Гущин (Санкт-Петербург, 2021)
https://vk.com/guschin_s